

Лоу Цзиньюй не хотел мешать Инь Шии, столь сосредоточенно выводившему иероглифы, и просто стоял на месте, тихо наблюдая за ним.

Он смотрел, как Инь Шии закончил писать, бережно убрал бумагу в шкатулку, как умылся, снял верхнюю одежду и в белоснежной нижней сорочке лег в постель, укрылся одеялом и заснул.

Сердце Лоу Цзиньюй покачивалось в такт каждому его движению, и уголки его губ сами собой изогнулись в улыбке.

Луна уже склонилась к середине неба.

Лоу Цзиньюй велел сходить во Дворец Цанлань за несколькими благовониями для успокоения души, зажег их и поставил на подоконник, а дождавшись, пока дыхание человека в комнате не стало ровным и глубоким, лишь тогда осмелился бесшумно отворить дверь и войти.

Прежде он и не подозревал, что, если затаить кого-то на самом дне своего сердца, можно вот так проникнуться чужими чувствами, словно обретя неисчерпаемое терпение и нежность.

— Я войду один, — бросил он через плечо, давая указание следовавшим позади тeneвым стражам, и лишь после этого тихонько ступил за порог.

Он вовсе не хотел, чтобы кто-то посторонний видел спящее лицо Шии.

Оставшиеся снаружи Ин Сань и Ин Сы переглянулись: неужели это их гордый, отрешенный от мирской суеты господин? С каких это пор он начал промышлять ремеслом похитителей цветов!

Инь Шии в комнате спал очень крепко. Вчера он только-только вернулся после выполнения задания, а сегодня снова получил приказ следить за братом и сестрой из Клана Цзи.

К тому же эти брат и сестра доставили ему немало хлопот: ему пришлось прислуживать им, подавая чай и воду, и тратить все силы на противостояние, а затем явился хозяин, и его эмоции метались из стороны в сторону, не находя покоя. За целый день он выбился из сил и лег спать пораньше, а под воздействием бесцветного и не имеющего запаха успокаивающего благовония погрузился в глубокий сон.

Лоу Цзиньюй затаил дыхание и ступал медленно, страшась потревожить его покой. Шаг за шагом, предельно осторожно он приблизился к кровати и, глядя на спящего Инь Шии, переполнился чувством полного удовлетворения.

Слегка коснувшись лица Инь Шии, Лоу Цзиньюй присел на край кровати, склонился над ним, разглядывая каждую черточку, и сердце его переполняла бесконечная нежность. Юноша, вероятно, из-за того, что круглый год носил эту черную одежду теневого стража, плотно закутывавшую тело, и редко бывал на свету, обладал невероятно бледной кожей. Сейчас, лежа на боку в нижней одежде, он обнажил точеную шею и изящные ключицы.

Во всем его облике сквозила прелесть, которая в глазах Лоу Цзиньюй так и манила сорвать этот цветок.

Мысли унеслись в прошлое. Лоу Цзиньюй вспомнил, как в прошлые годы из-за ядов Клана Цзи его внутренняя сила и техника оказались запечатаны, что спровоцировало обратный отток только что перешедшей на новый уровень Техники «Печаль Сотрясает Восемь Пустошей», грозя обернуться отклонением ци. Когда он скрывался от погони в Густом лесу Нанью, то и

дело терял рассудок.

Однажды, когда они на ночлег укрылись в пещере, его рассудок вновь помутился. К тому моменту они с Инь Шии уже полмесяца полагались лишь друг на друга в выживании. Пожалуй, в глубине души он уже всецело доверял юноше и испытывал к нему чувства совсем иного рода, хотя сам того еще не осознавал.

Однако тело оказалось честнее разума: сидевший рядом и охранявший его с мечом в руках Инь Шии показался ему сладким и манящим, словно маленькое пирожное.

Одним движением он притянул Инь Шии в объятия, а затем прижал к земле. Не обращая внимания на сопротивление одиннадцатого, он в несколько мгновений сорвал с него всю одежду. Стоило ему бросить лишь одну фразу: — Шии, будь послушным, — как тот перестал сопротивляться. Он покорно позволил измываться над собой, сдерживая в горле стоны боли и звуки обиды, и безропотно, не издавая ни звука, сносил его насилие.

Убогая обстановка, отсутствие мазей для смазки, да к тому же тело одиннадцатого, сплошь покрытое ранами от недавних схваток... Но тогда у него самого не было никакого опыта, и он лишь чувствовал, что испытывает нечто совершенно небывалое.

В этом промозглом темном лесу лишь Инь Шии оставался для него единственным источником тепла.

Он увлек Инь Шии в пучину плотских утех, и лишь после всего замел, что из-за его безумных и грубых движений на спине одиннадцатого открылись все раны, не говоря уже о том, в каком жутком состоянии находилось кое-какое другое место.

В душе невозмутимого Лоу Цзиньюй впервые за долгое время шевельнулось чувство вины, и на следующий день в пути он без лишних слов пронес Инь Шии на спине целый день. То была единственная интимная связь Лоу Цзиньюй в прошлой жизни — словно мимолетный цветок удумбары, который уже никогда не повторится.

На этом воспоминания оборвались. Лоу Цзиньюй не испытывал особого желания или похоти — напротив, в его груди поднималось редкое для него чувство тревоги. Потрясение от гибели двадцатиоднолетнего Инь Шии прямо на его руках оказалось слишком сильным. Он боялся, что перерождение — всего лишь призрачный сон, и лишь воочию убедившись, что Инь Шии жив, он мог наконец успокоиться.

На кровати Инь Шии спал безмятежным сном, и это зрелище само по себе вернуло покой в душу Лоу Цзиньюй.

Лоу Цзиньюй наклонился и, разделенные лишь кратчайшим расстоянием, вдохнул легкий аромат, исходивший от тела юноши, чтобы хоть как-то унять свое испуганное сердце.

Сейчас Инь Шии был еще совсем юн. В свои семнадцать лет его лицо еще не приобрело той жесткости и резких черт, какими обладало в двадцать один год, а щека, примятая подушкой, слегка округлилась, из-за чего он казался мягким и домашним.

Лоу Цзиньюй задумался о том, насколько реально просто взять и выкрасть этого человека.

В конце концов он отбросил эту мысль. Просидев у постели пол ночи, он лишь после полуночи вернулся во Дворец Цанлань, чтобы лечь спать, а уходя, даже тщательно вычистил золу от догоревшей успокаивающей благовонии.

На следующее утро, едва рассвело, Лоу Цзинъюй принялся за обычные дела секты, планируя после завтрака под каким-нибудь предлогом навестить Инь Шии, но его планы нарушили.

Едва Цзян Янь переступил порог Дворца Цанлань, как тут же ощутил исходящий от Лоу Цзинъюй холод. Украдкой смахнув несуществующий пот со лба, он поспешил доложить о главном:

— Глава, вы оказались провидцем! Подчиненные допросили брата и сестру из Клана Цзи, следуя вашим указаниям, и действительно выбили из них признание в волчьих аппетитах их Клана. Они позарились на богатства и влияние Секты Чиян, возомнили себя великими и вознамерились выманить вас из секты, чтобы расправиться с вами. А Цзи Вань и Цзи Фэн были подсланы сюда лишь для того, чтобы шпионить за порядком в нашей обители.

Лоу Цзинъюй равнодушно кивнул. К коварным замыслам Клана Цзи его приучил еще прошлый опыт, и теперь он приказал допросить их лишь ради того, чтобы иметь веский повод для расправы.

Сами их планы не имели для него никакого значения. В прошлой жизни он попался в их ловушку лишь потому, что Клан Цзи слишком искусно скрывался, из-за чего он потерял бдительность и принял их приглашение на пир. А из-за собственной самонадеянности он тогда взял с собой слишком мало людей, в результате чего и угодил в западню, устроенную главой их рода. Но в этой жизни подобному не бывало повториться.

Перед лицом абсолютной силы любые грязные интриги из подворотни — лишь мимолетный дым, который можно развеять одним движением пальца.

Сейчас же главным делом оставался Инь Шии: следовало шаг за шагом завлечь его в свои сети и привязать к себе.

— Раз так, перережьте Цзи Вань и Цзи Фэн сухожилия на руках и ногах и выбросьте их обратно к Клану Цзи.

Лоу Цзинъюй никогда не был мягкосердечным с теми, кто замышлял недоброе.

— Слушаюсь, — отозвался Цзян Янь. — Если больше нет указаний, этот подчиненный удаляется.

— Постой, — остановил его Лоу Цзинъюй. Тон его стал гораздо строже прежнего. — Запомни: впредь все вопросы, касающиеся Инь Шии, Павильон Тьмы не смеет решать самостоятельно.

Сначала докладывай мне. Больше он не должен отправляться в Зал Наказаний для взысканий, и любое задание для него подлежит предварительному согласованию со мной. Тебе ясно?

Он хотел вовсе запретить Инь Шии брать задания, но боялся, что юноша начнет строить лишние догадки. К тому же он сам пообещал себе действовать постепенно, а потому не мог давить на него слишком сильно.

Цзян Янь смог занять место главы Павильона Тьмы не только благодаря солидному стажу, боевым навыкам и преданности, но главным образом из-за своей гибкости и дальновидности: он отлично знал, о чем лучше не спрашивать. Поэтому он тут же дал утвердительный ответ.

В душе он радовался, что вчера не отдал приказ, когда Инь Шии сам напросился на наказание — иначе его собственный волосок сейчас висел бы на волоске.

Разобравшись с делами, Лоу Цзиньюй обнаружил, что за разговорами уже наступил полдень. Он распорядился подать обед. Мысли его вновь вернулись к Инь Шии: вспомнив, что тот находится в возрасте активного роста и должен питаться как следует, он приказал позвать юношу к себе.

<http://bllate.org/book/22235/2322309>